
ZVELT
Последний спектакль

Ольга Бонд(ZVELT)

Последний спектакль

https://litres.ru/74738863
SelfPub; 2026

Аннотация

Нет! Здесь не будет оголтелых диалогов, достойных медийных подмостков. Это внутренний монолог одной трагедии. Одного человека. Порой молчание страшнее любого крика, потому что наступает именно тогда, когда ты понимаешь, что кричать уже бесполезно. А если и закричишь, то услышит лишь тот, кто является режиссёром твоей трагедии.

Моя Леди в мизансцене театрального хоррора обретает себя и свою последнюю любовь, рассказывая историю в декорациях разрушенных надежд.

Последний спектакль

I В ПЛЕНУ РЕАЛЬНОСТИ

Стул, стоящий на аванс-сцене, давно уж пуст. Вспышка зтм пожрала его темнотой. Моя леди Димитреску сыта по горло контрамарками, она вынырнула из красных родовых труб – кулис. Только она в этой, прогорклой жаром софитов, незатейливой мизансцене в какой-то момент, ловит себя на мысли, что она никогда не говорила о себе в формате диалога, разве, что только с одним или двумя, поистине откликающимися её душе, людьми. Это всегда был монолог, (и по части самооговора, в котором, без сомнения, преуспеваем мы все) каждый раз внутренний.

Держать паузу можно долго и пока молчание пронзает напряжением рёбра деревянного обшарпанного театральной бытностью стула, который с должным усердием служил зрителю ещё при незабвенном Немировиче-Данченко, онемевшая новорожденная, выуживая откуда-то из-за тёмной норковой удлиненной накидки мундштук, стала прикуривать, поочерёдно выпуская кольца серого дыма.

Позади что-то скрипнуло. Казалось, звук продирался откуда-то сверху. Леди, вздрогнув, обернулась, когда с мостиков над сценой, точно висельник в петле, дернулось судорогой вниз белоснежное платье. Молчаливая Офелия узнала его, и дрогнувшая широкополая шляпа уронила на бледное личико траурную вуаль. Алые пухлые губы вновь обхва-

тили мундштук, почти мучительно затягиваясь. Зубы сжали выстроганный из чёрного дерева, лакированный загубник. Она подошла ближе, несмело коснувшись подушечками пальцев, с острым кроваво-красным маникюром, кружевного корсета. Провела ногтями вниз, точно вспоминая что-то. Белые атласные ленты хлестнули по истончённому запястью. И она сорвалась. Не выдержала. Со рваным всхлипом, обронив мундштук, вцепилась в него, прижав к себе, тихо плача. Если б не вуаль… Она бы со стыда сгорела, что вновь поддалась этим воспоминаниям. Но выскользнув из цепких рук, платье вдруг оказалось за стеклянной великолепной ветриной, надпись на которой гласила: «Свадебный салон «Gabbiano». Она вдруг оказалась на, до боли знакомой ей, улице. Всюду сновали люди, спешащие, как, впрочем, и всегда по своим делам. И леди вдруг точно, как когда-то в прошлом, замерла у витрины, разглядывая свою прелесть.

Венчание обещало быть скорым. Она и её жених давно этого хотели, да всё откладывали. Немедля ни секунды, воодушевлённая предстоящим празднеством, девушка забежала внутрь. В какой-то миг, когда глаза её заскользили по утончённому силуэту, примеряясь, пойдёт ли это ей, девушке показалось, что оно елейным голоском шепнуло: «возьми меня». Не успела она опомниться и тут как тут появился учтивый, одетый с иголочки, консультант.

– У вас исключительный вкус…

Девушка, вдруг вынырнула из розовых мечтаний, судо-

рожно и будто извиняясь, обернулась.

– П-простите, я совсем не пялилась. – Постаралась оправдаться она.

– Пялилась, милочка. – Хитро улыбнулся консультант, покручивая длинный ус. – И это совершенно нормально. Здесь нечего стыдиться. Любая на вашем месте загорелась бы именно им.

Видя, что его слова девушке показались малоубедительными и она всё ещё нерешительно «топчется на месте», при том не отрывая восторженного взора от понравившегося платья, консультант предложил следующее.

– Давайте я вам его покажу. У вас эсочка? – Он азартно потирал руки, уже зная, что ответит милая леди.

– Угу. – Кивнула она, не отрываясь от гипнотически струящегося шифона. И как-то сразу стал не важным тот факт, что этот хитрец сказал бы всё, что угодно, чтобы втюхать товар.

И вот через пару минут желанное платье, бережно, точно невесту на руках, внёс всё тот же, хитроватого вида, консультант.

В груди зарделось, всколыхнув небывалую эйфорию, пламя.

– Примерьте.

Опомниться не успела девушка, а белоснежное великолепие уже стягивало узкую талию теми самыми атласными лентами. Она провела ладонью по тугому, жесткого гипюра,

корсету. Кости, расшитые перламутровыми бусинами, игриво холодили пальчики. Объёмные шифоновые рукава, придавали движениям лёгкости и изящества, будто невеста и не невеста вовсе, а сказочная Царевна-лебедь, сошедшая с полотна Врубеля. И как не глядела она в зеркало, а поднимались к навесному потолку салона не руки, но два крыла, не иначе.

– И цена не кусается. – Раздался рядом с ушком её, тихонький полушёпот.

И тут весь привлекательный, искрящийся антураж салона исчез. Исчез и учтивый до липкой патоки, хитроватого вида, консультант. Девушка, очнулась таинственно-болезненной леди посреди полупустой сцены, в изорванном, выпачканном чем-то бардовым, свадебном платье, а на пустом, до сего момента, стуле стоял открытый гроб.

А знаете ли вы как появляются леди Димитреску? Они появятся, как раз в тот момент, когда, заглянув в деревянный ящик, прощаются с рассудком и своей девичьей, по-настоящему живой, душой.

В деревянном ящике лежал парадный китель. Весь в орденах. На лацкане висела заляпанная кровью звезда героя. Звезда… Посмертно.

Моя леди Димитреску, впервые проронив тихий шёпот его имени, взяла за рукава этот китель, потянула на себя, точно восставляя мертвеца из гроба, как всем нам «откровением» обещано, дрожа прижала к груди одной рукой, и ухва-

тив, трясущимися кулачками второй рукав, стала вальсировать по сцене, напевая.

– Белый танец, белый танец… Как же это так не честно…

Знакомая мелодия лилась скрежещущим безумием малышки Офелии. И танец, сначала медленный, избавил её от неудобных туфель, потом всё ускоряясь и ускоряясь, точно желая остаться в моменте их первого бала лейтенантов, кружил голову мороком воспоминаний, с привкусом горечи слёз на алых губах. Но они лились по щекам, и губы шептали слова страшной песни, а вальс заносил так, что леди споткнулась о собственную обувь, упав вместе с кителем своего, теперь уже, вечного героя.

И она кричала, навзрыд плача. Треснула идеальная фарфоровая маска, которую она с таким трудом надевала каждый божий день и носила, улыбаясь, безмолвно умирая внутри.

И вот, когда обожжённая горем и нагая душой невеста понимает, что её жених – мертвец, она как водится умирает вместе с ним. Так появляются леди Димитреску. Красивые, фарфоровые и мёртвые, как та часть их сердца, которая умерла вместе с тем, кто заставлял его биться. Если фарфор кожи такой леди вдруг треснет, не знаю, скажем от того, что кто-то обрезал лески, державшие в движении скрипучие болью шарниры, то всем вокруг откроется её омертвелая внутренность. Иным станет жутко, и будут её сторониться, но едва ли кто-то осмелится, подняв с, мокрого от слёз,

сценического пола, подать ей фарфоровый осколок некогда безупречного лица, выдоенного теперь слезами потери.

Кстати, именно поэтому девушки используют тональник, который многие называют «штукатуркой». Не знаю, верите вы мне или нет, на ваше усмотрение, но большинство женщин терпеть не могут показывать своих слёз, свою боль… И хороший тон часто спасает от почти маниакального страха показаться слабой в глазах других. И вот тогда, когда накопившиеся осколки стекла прорастают в её естество, наступает та самая «точка невозврата»: некогда нежная кожа твердеет, взор становится уставшим и стеклянным, а звонкий смех ограничивается самоироничной кривоватой улыбкой одним уголком губ. Но обратимо ли это? Эти почти инфернальные метаморфозы? Время покажет. А пока… Антракт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.